

Евгений Кисин в мажоре и в миноре

10 октября пианисту Евгению Кисину исполняется 24 года, и слово «гений», освященное авторитетом Герберта фон Караяна, следует за ним неотступно.

Будущий биограф Кисина, вероятно, изумится (или разочаруется) тем обстоятельством, что становление музыканта выстраивалось по классическим лекалам «гениальности». Мать Жени Эмилия Кисина вспоминает, что он рос на редкость спокойным и некапризным ребенком: все его внимание поглощала музыка, в 11 месяцев он запел фугу Баха, которую играла его сестра. «По сей день, — продолжает она, — музыка его настолько переполняет, что все остальное существует как бы параллельно. Самый мучительный путь для него был от кулис до рояля. Там он в своей стихии, он — король».

«Музыка для Жени — открытая книга, он постигает ее без переводчика, — свидетельствует бесценный педагог Кисина Анна Кантор. — У него абсолютно безошибочная интуиция, он срывается с любым стилем. Почему на его концертах всегда полные залы? Другие играют еще громче, еще быстрее. Он же играет так, как будто все на свете пережил и переживал. Я не знаю его высоты».

В 11 лет Женья дал в Москве свой первый сольный концерт. В 12 — впервые преодолел мучительный путь от кулис до сцены Большого зала Консерватории, в 14 — дебютировал на Западе. В 1988 году состоялась его встреча с Караяном: потрясенный дарованием пианиста, великий дирижер предложил ему серию совместных концертов. Женья был последним солистом, выступавшим с Караяном: на знаменитом концерте в канун 1989 года, который транслировался на весь мир, был записан на пластинку и на видео и повторен на пасхальном фестивале в Зальцбурге в марте того же года.

По количеству наград и премий (лучший пианист года, лучший концерт года, лучшая запись Второго концерта Рахманинова, «Золотой диапазон» за Первый концерт Шостаковича с «Виртуозами Москвы» и т.д.) молодой музыкант вряд ли знает себе равных. Его имя по праву стоит в афишах рядом с Зубиным Метой, Сейджи Озавой, Клаудио Аббадо, Джорджем Шолти, Вольфгангом Завалишом, Джеймсом Ливайном — дирижерами, чье мастерство измеряется только в превосходных степенях.

Мать считает своего сына застенчивым, что правда, хотя, ко всему прочему, гениальный юноша очень хорош собой: высокий, стройный, с бездонными глазами и шапкой живописных кудрей. Увы, на родине его не видим и не слышим с конца 1991 года: по контракту с американской фирмой Кисин живет в Нью-Йорке и концертирует по всему свету. И потому на музыкальном фестивале Владимира Спивакова в Кольмаре, где Женья участвовал уже трижды, грех было удержаться и не взять у него интервью.

— **Артур Рубинштейн, памяти которого был посвящен последний кольмарский фестиваль, уверял: чем шире аудитория, тем свободнее он играет и чувствует публику настолько, что даже различает людей, которые ему противятся. Как складываются ваши отношения со слушателями?**

— Ну, до таких тонкостей дело не доходит, а остальное верно. Чем больше зал, тем интереснее, тем сильнее взаимодействие с ним. Помню и другое. Перед выступлением в Саппоро, на острове Хоккайдо, мне сказали, что там полных залов не бывает. На концерт было продано 70 процентов билетов — это потолок, столько же было на Рихтере и Погореличе. Я играл и сознавал, что между мною и публикой стоит какая-то стена и я не могу ее пробить. Из-за того что аудитория мне не отвечала, я и сам играл без обычного подъема.

— **Вы волнуетесь перед концертом?**

— Ну, конечно, конечно. Каждый раз в разной степени, но чем больше волнуешься, тем лучше играешь: волнение превращается во вдохновение. Концерты изматывают не столько физически, сколько эмоционально. Но у меня самого в этом потребное — играть до изнеможения, от этого тоже испытываешь удовлетворение.

— **Существует ли для вас жизнь вне музыки?**

— Во всяком случае она ей не противостоит.

— **Можно ли приобщить к музыке людей, которые ее не слышат?**

— Если что детей. Но заставлять никого не надо, в конце концов на свете много вещей, кроме музыки. Я, например, ничего не понимаю в точных науках, а для многих это дело жизни. Другой вопрос — положение музыки в стране. У нас, к сожалению, были и есть люди, которые не признают музыку как ценность.

— **В чем ее ценность, в чем вы видите ее смысл?**

— Я сам много думаю об этом, но пока не нашел ответа. Я занимаюсь музыкой, потому что просто не представляю, как я мог бы без нее жить. И буду безмерно счастлив, если когда-нибудь мне удастся разрешить ее тайну.

Но я стараюсь ничего не идеализировать.

Нельзя однозначно утверждать, что музыка облагораживает человека: большими меломанами были, как известно, и нацистские палачи, включая Геринга. И все же думаю, что музыка способна оказывать благотворное влияние. Еще Гендель говорил, что его задача — делать людей лучше, а не только доставлять им удовольствие.

Другая загадка: каким образом музыка вызывает ту или иную реакцию? В середине прошлого века в России учили, что минор — это грех прародительский, а мажор — грех искупления. Конечно, уже тогда для настоящих музыкантов это звучало до смешного примитивно, но, честно говоря, я не знаю, придумал ли кто-нибудь лучшее объяснение. Это дело чисто индивидуальное, интимное, для каждого музыка значит что-то свое. Я люблю, к примеру, играть военный марш Шуберта в обработке Таузига, для меня это веселая бодрая песня, я стараюсь исполнять ее с юмором, как бы подтрунивая над армейской темой. Но мой знакомый, немец, слышит в ней страдание, у Шуберта, уверяет он, нет ни одного произведения, где бы это чувство не давало о себе знать.

— **По части страдания могу похвастаться цитатой из Романа Роллана, писавшего, что для подлинных страдальцев есть великий утешитель — «великий безудержный Бетховен, страдавший, как никто». В книге о Бетховене Роллан вспоминает, как во время первой мировой войны, под грохот моторизованной кавалерии, перед угрозой вражеского вторжения в его утомленной голове вдруг возникла прекрасная песня адажио из бетховенского концерта ми-бемоль и «парил, чистая и ясная, над развалинами мира». Вы часто играете этот концерт, как вы его воспринимаете?**

— Действительно, его вторая часть — адажио — из очень высоких сфер. Ашкенази, с которым я тоже его играл, назвал эту часть молитвой. А во время репетиции с Ливайном перед началом адажио дирижер объявил: теперь мы на другой планете. И тут же откуда-то донесся звук дрели. Третья часть этого концерта — одно удовольствие, радость ее играть. Там даже юмор есть.

— **Как выражается юмор в музыке?**

— Самыми разными средствами — ритмическими, гармоническими, динамическими. Юмор присутствует у многих композиторов — у Бетховена, Гайдна, у... Шопена встречается. У Шостаковича, конечно. У Прокофьева очень много не только юмора, но и сарказма. Интересная эта черта.

— **Какие вещи вам нравятся больше, какие меньше?**

— Меньше люблю итальянскую оперу. Меньше, чем немецкую. Мне она кажется более простой, менее высокой. Люблю Баха, Моцарта, Бетховена, Шопена, Брамса. Из русских композиторов — Рахманинова, Чайковского, Скрябина, Мусоргского, Шостаковича, Прокофьева. Почему — не могу сказать. Так же, как не могу объяснить, отчего мне нравятся те или иные города (в первую очередь Иерусалим, Толедо, Амстердам), природа (я не люблю места, где голо, как в Техасе или на Канарских островах) или стихи.

— **Что вы думаете о современной музыке?**

— Я хорошо о ней думаю, но, признаться, не очень глубоко ее знаю. Начинать все-таки надо с классики. Для остального время придет.

— **Бремя славы мешает вам или помогает?**

Евгений Кисин

— И то, и другое. Если знаешь, что за тобой следят пристальнее, чем за кем-либо, не позволяешь себе распускаться. С другой стороны, может, это покажется ерундой, но мне всегда неприятно, когда на чьих-то концертах ко мне подходят люди и просят расписаться на программках к этим концертам. На своих я расписываюсь охотно и на чем только не приходилось это делать — на сумках, на платках, на туфлях.

Одна девушка даже просила оставить ей автограф на руке. Я отказался.

— **Как вы познакомились с Караяном?**

— Немецкий импресарио, с которым я по сей день работаю, послал Караяну мои записи. Он заинтересовался. 8 августа у меня был концерт в Зальцбурге, а 9-го состоялась наша первая встреча. Это было в помещении фестивального дворца, в большой комнате для занятий балетом, где стоял хороший «Безендörфер». Собралось много народу, Караян с женой и всей свитой, фотограф пришел. Я играл Фантазию Шопена. Волновался ужасно, но был в форме. Кончил играть — гробовая тишина. Я сделал несколько шагов к слушателям и вижу, что Караян шлет мне воздушный поцелуй. Он был в темных очках, потом снял их и начал вытирать платком глаза. Говорит мне: еще. Я спросил, могу ли сыграть Двенадцатую рапсодию Листа. Играл что хочешь, ответил Караян.

Месяца полтора спустя я получил приглашение исполнить на новогоднем концерте в Берлине, тогда еще Западном, Первый концерт Чайковского с Берлинским оркестром под управлением Караяна. О том концерте ходит много слухов и спекуляций. Дело в том что в последние годы жизни Караян дирижировал в очень медленных темпах — в таком возрасте у людей затормаживается темп самой жизни. Перед первой репетицией он мне сказал: «Я прочитал некоторые документы тех лет, когда это произведение было создано, и выяснил, что после первого исполнения Чайковский заметил: слишком быстро. Вот и сейчас все играют этот концерт слишком быстро — и никакой музыки. А мы с тобой будем делать музыку».

Мне тогда не подобало ему возражать. На репетиции играли этот концерт 50 минут

вместо обычных 35. В конце концов маэстро пошел на уступки, получилось нечто среднее. Однако все эти трудности, разногласия — мелочи. Да, темпы были замедленными, но Караян наполнял музыку всей колоссальной силой своей личности. Невозможно представить, что кому-то могли наскучить эти медленные темпы. Он был жестким человеком, говорили даже деспотичным, но я не знаю другого, кто своим присутствием так помогал бы тебе раскрыть собственный потенциал. Это происходило даже помимо твоей воли. Равного Караяну сейчас нет.

— **Играя, вы строго держитесь нотного текста или позволяете себе некие вольности?**

— Вечный вопрос. В разные времена существовало разное к нему отношение. Когда-то Лист был прежде всего исполнителем-виртуозом, в прошлом веке главное было — показать себя; сама психология музыканта была иной, и отношение к тексту весьма либеральным. В старых записях можно обнаружить, что пианисты что-то добавляли от себя, это зазорным не считалось. Сейчас — недопустимо. Только в конце Рапсодии Листа я позволяю себе самые последние аккорды взять на октаву ниже — звучит эффектно. И вроде никто не возмущается.

Думаю, многие со мной согласятся, что играть точно так, как написано в нотах, еще не значит выражать замысел композитора. Пабло Казальс утверждал: как много исполнителей остаются во власти нотного текста, не понимая, что этот текст всего лишь несовершенный способ передачи музыкальной мысли. Разумеется, разводить анархию тоже не метод творческого самовыражения.

Кстати, Рахманинов играл свои сочинения подчас не так, как сам же их написал. Известно также, что он восторгался тем, как исполняли его Третий концерт Горовиц и Гизекинг. Но эти пианисты — небо и земля, что доказывает лишь одно: великие композиторы не могли мыслить узко.

— **Женья, гражданином какой страны вы себя считаете?**

— России.

***

На этом можно было бы поставить точку и пожелать нашему герою дальнейшей безоблачной и триумфальной судьбы, которой он более чем заслуживает. Но коварная действительность выставляет свой вопросительный знак. Евгений Кисин, гражданин России, ее же военнообязанный, на родине числится чуть ли не дезертиром. Его московскую квартиру забросали повестками из военкомата, мать вызывали в прокуратуру, дабы объяснила, почему сын уклоняется от службы. «Кисин? — спросили знакомых семьи в военкомате. — Есть такой. Но справки-то об освобождении у него нет. Будет справка, трогать его не станем».

Сейчас справка есть, действительна по 1 апреля 1996 года. А дальше? Женья все это обсуждать не хочет, но мать не может обойти большую тему. Как правило, говорит она, люди в эту историю не верят, вы, мол, придумали не очень убедительную отговорку, чтобы не возвращаться. Но как раз наоборот. Несмотря на свою загруженность — концерты у него расписаны на три года вперед, Женья рвется в Москву.

Много ли, зададим риторический вопрос, у нашего президента, у нашего министра культуры музыкантов, которых счастливый случай посылает для вящей славы страны? И нельзя ли особым указом положить конец этой нелепой ситуации? Свой долг перед родиной, если он ей еще что-то должен, исполнять Евгению Кисину не обязательно в армейском гарнизоне.

Ольга МАРТЫНЕНКО